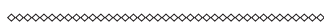

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРИСОЕДИНЕННОГО В XVI В. КАЗАНСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКИ)

Мое сообщение касается актуальной для современной отечественной историографии проблемы — восприятия россиян как единого народа, гражданской нации. Подобную мысль неоднократно высказывали в последние годы руководители государства. В частности, В. В. Путин на одной из встреч по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений заявил: «Полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»¹.

Ученые разных специальностей, прежде всего этнологи, теоретически обосновывают квалификацию современного Российского государства как национального государства, признавая, безусловно, многоэтничный состав его населения. Академик В. А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, утверждая, что сегодняшняя Российская Федерация является нацией-государством со сложным составом населения, пишет: «Это утверждение основано на понимании национального государства как государства с общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны»².

Давая научное определение таким понятиям, как «народ», «национальность», «нация», «национальное (гражданское) государство», В. А. Тишков не отрицает, что среди интеллектуальной элиты (научной, политической) имеются иные взгляды на современное российское общество, в частности убеждение, что гражданская нация в современной России невозможна, что разговоры о гражданской нации — это пустое фразерство, что нужно, как в советское время, укреплять дружбу народов

¹ Цит. по книге: *Тишков В. А.* Российский народ. М., 2010. С. 4.

² Там же. С. 7.

тиков, заявлявших в начале 90-х гг. XX в. «берите суверенитета столько, сколько хотите» (Б. Н. Ельцин), привели к тому, что, услышав призыв главы Российского государства, под давлением новых правящих элит национальные историки отвергли общую историю в общем государстве и представляют ее в культурно изолированном от России виде. Как пишет академик В. А. Тишков, «национальная история Российского государства оказалась нещадно обворованной»⁵. И прежде всего за счет педалирования этнонационалистических версий истории. Например, один из современных татарских авторов пишет: «История татар и Татарстана является относительно самостоятельной, не вмещающейся в “Историю России”, поскольку существующая российская история не может ее заменить или исчерпать»⁶. Не отвергая относительную правоту автора, в то же время думаю, мало кто из отечественных и зарубежных историков согласится с таким его высказыванием: «История Золотой Орды была частью мировой истории, а поздний период истории раздробленных русских княжеств — частью татарской... Русские благодаря Золотой Орде оказались вовлеченными в мировые процессы, а впоследствии сумели создать грандиозное государство под названием Россия»⁷. «Перекосы» в воссоздании исторически точной картины взаимовлияния двух составных частей современной Российской Федерации, как говорится, налицо.

Наиболее четко эти «нестыковки» обнаруживаются при рассмотрении и оценке знаменательного исторического факта — «завоевания» (присоединения) Казанского, а затем Астраханского ханства к России в середине XVI в. В огромном количестве русской, а теперь и западноевропейской литературы, в последнее 20-летие — татарской содержатся исключительно противоречивые сведения об этом грандиозном событии. Можно выделить несколько «кустов» основополагающих проблем, по которым современная историография занимает несоединяемые позиции. К примеру, каков основной импульс, определяющий феномен государственной политики Ивана IV? Исследователи отвечают по-разному.

Американский исследователь Дж. Пеленски считает, что «национальный» аргумент является наиболее важным (и современным)⁸. Он исходит из сформировавшейся еще при Иване III, при котором осуществилась решающая фаза создания единого Русского государства, идеи, что завоевываемые земли были вотчиной исключительно великого московского князя. Притязания на «всю Русь» основывались на мифических предположениях, что вновь завоевываемые земли, в частности территория Казанского ханства, были владениями Рюриковичей «с древних времен»; территории Казанского и Астраханского царств были составными частями Киевского государства. Это историческое оправдание, по предположению

5 Тишков В. А. Указ. соч. С. 52.

6 Хаким Рафаэль. История татар и Татарстана. Казань, 1999. С. 23, 42.

7 Там же. С. 18.

8 *Pelenski J. Russie and Kazan. Conquest and Impérial Ideology (1438—1560)*. Hague; Paris, 1974. P. 288—289.

Пеленского, обосновано либо митрополитом Макарием, идеологом завоеваний Ивана IV, либо кем-то из его окружения. Подобные аргументы нашли отражение в русских источниках, таких как «История о великом князе Московском» и «Казанская история»⁹.

Многие авторы считают, что, начиная со времени женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, перед русскими правителями встала проблема борьбы за византийское наследство. Однако известный Санкт-Петербургский историк и источниковед Ю. Г. Алексеев, посвятивший одно из своих исследований детальному анализу деяний московского великого князя, «государя всея Руси» Ивана III Васильевича, полагает, что в официальной политической доктрине — объединение Русской земли, которую он воплощал в своей деятельности, не было места «мифическим теориям» вроде зарождавшейся в это время в церковных кругах теории «Москва — Третий Рим». Как пишет Алексеев, Иван III не проявлял к ней никакого интереса, «не обращая внимания на так называемое византийское наследство»¹⁰. Австрийский ученый А. Каппелер вообще полагает, что ко времени венчания Ивана IV на царство (1547 г.) идея о византийском наследстве для русского царя вообще выглядит анахронизмом, т. к. он не считал себя наследником византийских императоров и не претендовал на их наследство, о чем нет упоминаний в источниках¹¹.

В последнее время приоритетной становится идея о борьбе Ивана IV за наследие Золотой Орды. Об этом пишут известные западноевропейские историки, в частности А. Каппелер, который писал, что для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследие Золотой Орды явилась более важной, чем передача идей Второго Рима в «Третий Рим», историки государств, входивших когда-то в Монгольскую империю, в частности казахские (один из них, доктор исторических наук, профессор Казахского государственного национального института, подчеркивает, что «именно золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности»¹²), отечественные историки, например В. В. Трепавлов¹³, а также евразийцы.

9 *Андрей Курбский. История о великом князе Московском. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1988. С. 228—229; Казанская история. М., 1954. С. 44. См. также: Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188—189. Она пишет: «Ревнуня подвигам старых князей, Иван IV, достигший царского венца и титула, совершит высший подвиг — окончательно возьмет то, что уже брали и не удержали князья, — Казань».*

¹⁰ *Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 227.*

¹¹ *Каппелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды. Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96; Он же. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 20.*

¹² *Кадырбаев А. Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи // www.ca-c.org/datarus/kadirbaew.shtml*

¹³ *Трепавлов В. В. Белый царь: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 77—78.*

Далее Бахтин показывает, что у всех слоев населения Российского государства отсутствовал интерес к вновь завоеванным землям на Востоке: у феодалов — собственников земли, у служилых людей, у купцов. И якобы массовый поток переселенцев на завоеванные, с богатыми природными ресурсами земли — миф.

Все эти доводы вызывают отторжение у современных казанских историков. Выводы Бахтина оспаривает, в частности, известный казанский историк Искандер Лерунович Измайллов в большой статье, написанной для сборника «Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения» (Казань, 2003). Он называет доводы, приводимые российскими и советскими историками в пользу того или иного объяснения необходимости завоевания русскими Казани, мифами — «архетипами русского исторического сознания»¹⁶ (кстати, некоторые аргументы, аналогичные мнению российских историков, высказывали и западные исследователи «Казанской трагедии»). «Татарский же народ... был поставлен на грань этноцида... И если он сумел сохраниться, то не благодаря российским властям, а вопреки их постоянному давлению». Такова, по мнению Измайллова, татарская концепция истории.

Однако, слава Богу, автор допускает, что исторический взгляд на казанскую историю «требует постоянной научной и источниковедческой разработки, дополнения и внесения определенных корректив»¹⁷.

Как умный человек и проницательный историк И. Л. Измайллов не мог «не обезопасить» себя, заявив, что, несмотря на факт завоевания Иваном IV Среднего Поволжья, «для нас важен не объективистский и прогрессистский взгляд на эту проблему, а... постмодернистская точка зрения. Она отказывается видеть какую-либо единственную отправную точку для рассуждений, а настаивает на множественности, многовариантности взглядов на прошлое, в конфликте и отражении которых возникает целостный образ многомерной истории»¹⁸.

В контексте подобных воззрений выглядит история русско-казанских отношений до 1552 г. и после завоевания Казани. В настоящее время в историографии рассматриваются действия великих московских князей в отношении Казанского царства в значительной степени по-новому. Иван III еще до стояния на Угре (1480-е гг. — освобождение от монголо-татарского ига), примерно в 1476 г., перестал платить «выход» (дань) казанским ханам, тогда же произошло и «потоптание басмы» (русский князь наступил ногой на ханскую грамоту с мифической лицевой печатью)¹⁹. Однако вряд ли с этого времени был установлен московский протекторат над Казанью и хан являлся вассалом московского великого князя по причине того, что последний поставил его на ханство (в 1487 г. Мухаммед-Эмина), а также

Измайллов И. Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // Татарский народ после 1552 г.: потери и приобретения. Казань, 2003. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 128.

¹⁹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского государства. 2-я пол. XV в., М., 2001. С. 108—109.

Причем в подобном качестве ее воспринимают не только в официальных (прежде всего в дипломатических) кругах, но и в народной среде, о чем свидетельствует фольклор, где поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства. В сохранившихся русских народных преданиях царская порфира представляется вывезенной из Казани, от потомков золотоордынских Чингисидов. Якобы Иван IV снял с казанского хана Едигера «порфиру царскую», привез «бусурманскую порфиру» в «каменну Москву», совершил ее церковное освящение православным обрядом, потом освященную «порфиру на себя наложил» и только после всех этих ритуальных действий «стал Грозный царь»²⁷.

Итак, подчинение татарских ханств Поволжья трактовалось на Руси как «начало обретения Иваном IV царского достоинства»²⁸. Об этом он и сам исключительно заботился и даже обратился к константинопольскому патриарху с просьбой утвердить его царский титул. Просьба была удовлетворена, однако патриарх, который осуществлял свою власть под владычеством османского султана, обосновал признание за Иваном IV царского титула его далеким родством с византийскими императорами²⁹.

Значимость для Ивана IV царского титула в период его отчаянной борьбы за прибалтийские земли, борьбы с могущественными европейскими государями за признание его равенства с ними характеризуют завоевательные походы на Казань, а затем Астрахань прежде всего как политические действия. Этот факт неоднократно подчеркивался такими исследователями, как А. Каппелер, Дж. Пеленский³⁰, немецкими учеными Э. Доннертом, Л. Рюлем³¹.

Не исключая других аргументов победного похода на Казань в 1552 г. (национального — «собрания» русских земель, религиозного — выступление против злодеяний мусульман (татар) против русских христиан, экономических, оборонительных), подчеркивается приоритетность становления имперскости и установления равенства Российского государства с европейскими государствами. Пеленский наиболее четко высказывает эту мысль: «Присоединение двух татарских ханств и последующее принятие титулов “царь Казанский” и “царь Астраханский” рус-

Ерофеева И. В. Русская имперская идея в истории, Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. М., 1993. С. 272. Ссылка: Жданов И. М. Русский былевой эпос (Исследования и материалы). СПб., 1895. С. 12—16.

²⁸ Трепавлов В. В. Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 57—60.

²⁹ Pelenski J. Op. cit. P. 300.

³⁰ Ibid. P. 298—300. Пеленский, в частности, пишет: «Непосредственным политическим, так же как и идеологическим, следствием завоевания Казани было, конечно, принятие московским правителем титула “Казанского царя”, так же, как несколько позже он принял титул “Царь Астраханский”. Это решение не было простой формальностью. Добавления к титулу русского правителя отражали изменения в характере государства московитов... Русь стала рассматриваться как империя (государство государств)...»

³¹ Об этом см.: Гатин М. Завоевание Казанского ханства в трактовках немецких историков // Татарский народ после 1552 г. С. 291—298.

ским правителем были использованы для возвышения в глазах других суверенов. Они применялись в дипломатических переговорах, имевших целью добиться признания императорского титула царя другими державами»³². Завоевание Казани в 1552 г. не свидетельствовало о полном исчезновении понятия «Казанское царство». Оно продолжало существовать как территориально-административная единица под юрисдикцией Приказа Казанского дворца, центрального административного департамента, еще более века и таким образом было активно вовлечено в административное и политическое устройство Русского государства. Подобной позиции придерживаются некоторые татарские историки, считая, что даже сам процесс инкорпорации Казанского ханства и других татарских государств в состав России не имеет аналогов по своим историческим последствиям. Достаточно обратить внимание на герб Российского государства, три короны которого над двуглавым орлом символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское царства.

Значимость для развития российской государственности завоеванных татарских ханств выражается, по мнению ряда историков, и в заимствовании некоторых восточных и государственных традиций, в частности соуправления, примером чего может служить возведение бывшего касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, в 1575 г. в ранг «великого князя всея Руси», а себя Иван IV называл «князем московским» (соответственно существовало и разделение — великое княжение и государев удел). Обращает на себя внимание и мнение ряда историков, в частности Пеленского, которое имеет предположительный характер, о заимствовании некоторых российских государственных структур и форм управления у татар³³.

На этом фоне вполне реальными являются действия Ивана IV по отношению к казанской символике. На его большой государственной печати 1577 г., скреплявшей документы, отсылаемые в зарубежные страны, помещена «печать казанская» — изображение дракона в короне (царской). По-видимому, данный образ впервые появился в Казанском летописце, историко-публицистическом сочинении 1564—1565 гг. Здесь рассказывается о том, что на месте будущей Казани «прежде место быти издавна гнездо змиево». «Змий велик и страшен о дву главу: едину имяя змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки, и скоты, и звери, другою главою траву ядыше». Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань»³⁴. Созданный в соответствии с легендой графический образ Казани, затем превратившийся в ее герб, помещен в Титулярнике 1672 г. Именно Титулярник 1672 г. лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Показательно, что в числе десятка городов, при-

32 *Pelenski J.* Op. cit. P. 300.

33 *Трепаев В. В.* Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* С. 46—51; *Pelenski J.* Op. cit. P. 55—59.

34 *Казанская история.* С. 47—48.

